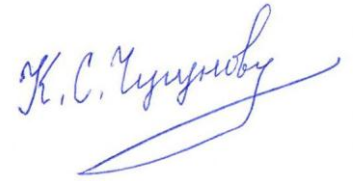

На правах рукописи

A handwritten signature in blue ink, reading "К.С. Чугунова". The signature is written in a cursive style with a long horizontal stroke at the end.

Чугунова Ксения Сергеевна

**Языковые особенности идиостиля в художественной прозе
Дмитрия Емца**

Специальность 10.02.01 – Русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Воронеж – 2017

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Воронежский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент

Кольцова Людмила Михайловна

Официальные оппоненты: **Радбиль Тимур Беньюминович,**

доктор филологических наук, профессор, Институт филологии и журналистики, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского», кафедра современного русского языка и общего языкознания, профессор

Королёва Инна Александровна,

доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет», кафедра русского языка, профессор

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Защита состоится 1 марта 2018 г. в 13 ч. 30 мин. на заседании диссертационного совета Д.212.038.07 в Воронежском государственном университете по адресу: 394006, г. Воронеж, пл. Ленина, 10, ауд. 85.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке Воронежского государственного университета и на сайте ВГУ по адресу: <http://www.science.vsu.ru> (вкладки Наука – Защита диссертаций).

Автореферат разослан «_____» _____ 201_ г.

Учёный секретарь
диссертационного совета

Голицына Татьяна Николаевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящее диссертационное исследование посвящено описанию важнейших языковых особенностей идиостиля известного современного русского писателя Дмитрия Емца.

Вопросы стиля писателя и его различных аспектов занимают важное место в лингвистике. Ещё В. В. Виноградов замечал, что «стиль писателя... создаёт и воспроизводит индивидуально-выразительные качества и соотношения вещей-образов, типические для творческой системы именно этого художника»¹. Он рассматривал идиостиль как систему «индивидуально-эстетического использования свойственных данному периоду развития художественной литературы средств словесного выражения»². Именно на предложенное В. В. Виноградовым понятие индивидуального стиля опирается большинство исследователей.

Идиостиль писателя определяется средствами всех уровней языка (фонетики, морфологии, синтаксиса, стилистики и др.), а также культурными отсылками к прецедентным текстам. В целом осмыслению понятий «идиостиль» и «индивидуально-авторская художественная система» были посвящены работы таких отечественных учёных, как И. В. Арнольд, М. М. Бахтин, Н. С. Болотнова, В. В. Виноградов, И. Р. Гальперин, В. П. Григорьев, С. Т. Золян, Л. В. Зубова, Ю. В. Казарин, Ю. Н. Караулов, Ю. М. Лотман, Ю. С. Степанов, Ю. Н. Тынянов, И. Я. Чернухина, И. А. Щирова и др.

Идиостиль популярного современного русского писателя Дмитрия Емца, создателя жанра «хулиганского фэнтези», представляет собой чрезвычайно интересный объект для анализа. Он отражает сочетание двух стратегий: одной, подразумевающей развлекательность, и второй – заставляющей читателя задумываться над серьёзными философскими вопросами, вспоминать

¹ Виноградов В.В. О теории художественной речи. М.: Высш. школа, 1971. С. 211.

² Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. М.: ГИХЛ, 1961. С. 85.

классическую литературу. Следует отметить прагматический аспект, связанный с воздействием произведений Д. Емца на читательскую аудиторию.

Объектом исследования в диссертационной работе являются языковые особенности идиостиля Д. Емца.

Предмет исследования в нашей работе охватывает не весь идиостиль Д. Емца (задачи и объём кандидатской диссертации не позволяют проанализировать его во всей полноте), но два его ключевых, с нашей точки зрения, компонента – афористичность и интертекстуальность.

Актуальность исследования определяется масштабностью языковых процессов, которые связаны с современным переосмыслением такого сложного лингвистического феномена, как художественный текст. Как пишет В. Е. Чернявская, в настоящем «речь идёт... о существовании конкретных текстов, которые в своём языковом оформлении – структуре, содержательном наполнении – обнаруживают признаки нескольких текстовых моделей. Описание подобных гетерогенных образований отражает одну из ведущих тенденций современной лингвистики текста»³. В этом отношении наше исследование определённых конституирующих признаков идиостиля Д. Емца позволит прояснить причины популярности его художественных текстов у разной читательской аудитории.

Характеризуя **степень разработанности** темы диссертационного исследования, отметим, что в отечественной науке отсутствуют серьёзные системные исследования, посвящённые языковым особенностям текстов Д. Емца. Можно отметить лишь единичные работы литературоведческого характера, касающиеся тематики и проблематики его отдельных произведений (см. работы А. Д. Гусаровой, Е. Ю. Дворак и др.).

Основная цель диссертационной работы заключается в определении роли афористичности и интертекстуальности в формировании идиостиля Д. Емца.

Достижение поставленной цели предполагает последовательное решение следующих **задач**:

³ Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 72.

1. Определить теоретические основы исследования.
2. Описать экстралингвистические предпосылки и лингвотипологическую природу идиостиля Д. Емца.
3. Исследовать интертекстуальность как характерную черту идиостиля Д. Емца, а также обозначить разноуровневые интертекстуальные единицы в их соотнесённости с прецедентными источниками и способами репрезентации в авторском тексте.
4. Исследовать афористичность как конституирующий признак идиостиля Д. Емца, обуславливающий словотворческий и фразеотворческий потенциал автора, описать индивидуально-авторские преобразования фразеологических единиц в их соотнесённости с прецедентными источниками, а также окказиональные высказывания Д. Емца.

Для решения поставленных задач в работе использовались описательный, сопоставительный и герменевтический **методы**, а также метод компонентного анализа.

Материалом для исследования послужили художественные произведения Д. Емца, включённые в серии о Тане Гроттер и о Мефодии Буслаеве и публиковавшиеся с 2002 по 2016 годы.

Исследовательская база работы составила 33 романа и 2 сборника авторских афоризмов, составленных на основе указанных художественных текстов.

Гипотеза исследования состоит в том, что идиостиль Д. Емца является естественным отражением современной социокультурной и языковой ситуации. Он обладает вариантными лингвотипологическими чертами, свойственными художественному тексту современности. Исследование языковых особенностей идиостиля Д. Емца показывает активное обращение автора к афористичности и интертекстуальности как к одним из значимых явлений, характерных для современного русского языка.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней:

– дано представление о значимости социокультурного феномена young-adult и жанра фэнтези для формирования идиостиля современного популярного писателя Д. Емца;

– показана особая лингвотипологическая – гетерогенная природа художественного текста Д. Емца, отражённая в его идиостиле;

– показано влияние современной языковой ситуации на формирование важнейших языковых особенностей идиостиля Д. Емца;

– впервые в отечественной лингвистике представлен анализ ключевых языковых единиц идиостиля Д. Емца.

Теоретическая значимость представленной научной работы состоит в том, что в ней исследуются значимые компоненты идиостиля Д. Емца, выявляются принципы формирования и становления текста нового типа и жанра средствами языка и определяются конституирующие элементы идиостиля с учётом новых теоретических подходов к комплексному лингвистическому анализу художественного текста.

Практическая значимость исследования определяется возможностью применения его материалов и выводов в преподавании русского языка и стилистики текста. Материалы данной работы могут быть использованы также в междисциплинарных исследованиях, связанных с лингвистикой текста.

Положения, выносимые на защиту:

1. Художественные тексты Д. Емца, ориентированные на разную читательскую аудиторию, являются ярким примером нового, малоизученного, но активно функционирующего социокультурного феномена «young-adult» и относятся к одной из жанровых разновидностей фэнтези – «хулиганскому» фэнтези. При этом экстралингвистические предпосылки и лингвотипологическая природа текста оказываются достаточно важными для формирования идиостиля Д. Емца и обуславливаются закономерными процессами, происходящими в современном русском языке.

2. Элементы интертекстуальности, словотворчества и фразеотворчества являются неотъемлемой частью идиостиля Д. Емца, обеспечивающей художественное своеобразие его текстов.

3. Художественный текст Д. Емца содержит множество диалогических отсылок к прецедентным текстам. При этом для идиостиля Д. Емца характерны все виды межтекстового взаимодействия (интертекстуальность, паратекстуальность, метатекстуальность, гипертекстуальность, архитектстуальность). Благодаря этому сложный в семантическом и структурном плане текст получает выходы к разным читательским группам, а интертекстуальность становится одним из конституирующих признаков идиостиля Д. Емца.

4. Словотворчество и фразеотворчество Д. Емца обуславливают афористичность в качестве одного из конституирующих признаков идиостиля писателя. При этом Д. Емец как преобразует известные фразеологические единицы, так и создаёт собственные, популярные в читательской среде, запоминающиеся высказывания, в которых отражается современная языковая картина мира.

Степень достоверности и апробация результатов работы. Основные положения научного исследования изложены в 12 научных публикациях, 6 из которых опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК РФ. Результаты работы были представлены на научных конференциях разного уровня: Межд. науч. конф. «Человек в глобальном мире» (Воронеж, 18–20 мая 2015 г.); V Международной науч.-практич. конф. (Уфа, 26–27 марта 2015 г.); Межд. науч. конф. «Славянский мир: духовные традиции и словесность» (Тамбов, 20 мая 2015); IV Всеросс. Науч.-методич. конф. с междун. уч. «Слово – образ – текст – контекст» (г. Одинцово, Московская обл., 24–25 мая 2015 г.); Межд. науч. конф. «Новые направления русистики: XXXV Распоповские чтения» (Воронеж, 21 февраля 2017); Межд. заочн. науч.-практич. конф. мол. ученых «Язык. Коммуникация. Культура» (Москва, 20 апреля 2017).

Диссертация обсуждалась на кафедре русского языка филологического факультета Воронежского государственного университета.

Структура работы. Диссертационная работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списка литературы, списка иллюстративного материала.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы и её актуальность, указывается степень её разработанности, определяются цель и задачи исследования, его научная новизна, теоретическая и практическая значимость, методология и методы исследования, формулируются положения, выносимые на защиту, указывается степень достоверности и апробации результатов.

В **Главе 1 «Идиостиль Д. Емца в контексте жанра фэнтези»** рассматривается понятие «идиостиля автора» в свете современных лингвистических воззрений, определяются важные экстралингвистические предпосылки формирования идиостиля Д. Емца и лингвотипологическая природа его художественных текстов.

В современной лингвистике идиостиль писателя представляется сложным объектом для исследования, что обуславливает множество различных подходов, позволяющих учитывать тот или иной аспект языка писателя (В. В. Виноградов, С. Т. Золян, Н. С. Болотнова, Ю. Н. Караулов, В. В. Леденева, А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, О. В. Четверикова, Н. С. Пищальникова и др.). Широкий подход к пониманию идиостиля позволяет объединить лингвистические и экстралингвистические факторы в его изучении, что особенно важно при обращении к текстам современной литературы, отражающим мозаичный образ мира (см.: Фоменко, 2006; Попкова, 2007; Чернышёва, 2007 и др.).

Так, для формирования идиостиля Д. Емца важным является сочетание некоторых обстоятельств.

Прежде всего, это неопределённость границ жанра фэнтези (см.: Плотникова, 2005; Галиев, 2011; Головачева, 2013 и др.). В нашей работе фэнтези

представляется как сложный синтетический жанр, часто включающий в себя элементы других жанров, по-разному сконфигурированных между собой. Концептуальный стандарт той или иной разновидности фэнтези часто формируется самими авторами и читателями. Например, Д. Емца называют создателем одной из разновидностей фэнтези – «хулиганского» фэнтези, что во многом связано с явлением языковой игры.

Другой чрезвычайно важной экстралингвистической предпосылкой формирования идиостиля Д. Емца оказывается пересечение фэнтезийного дискурса с социокультурным феноменом *young-adult*, характеризующимся возрастной универсальностью и тематическим и жанровым разнообразием. Возникнув на Западе, он обозначился и в современной русской литературе. Благодаря этому понимание жанра фэнтези требует разработки новых методов и форм анализа.

Современной «классикой» жанра фэнтези и направления *young-adult* считаются произведения Дж. Роулинг о Гарри Поттере. Сложный процесс идейного, стилевого, жанрового взаимодействия с текстами Дж. Роулинг явился значимым для формирования идиостиля Д. Емца.

Наконец, следует учитывать то обстоятельство, что языковая личность Д. Емца формировалась задолго до появления его книг о Тане Гроттер и Мефодии Буслаеве. Как писатель, он успешно работал в разных литературных жанрах и для разной читательской аудитории. Кроме того, предметом интереса Д. Емца-учёного во многом был универсальный возрастной характер «произведений для детей» в русской литературе.

Важным обстоятельством изучения художественных текстов Д. Емца является обращение к их лингвотипологической природе (см.: Фоменко, 2006; Чернявская, 2014 и др.). Необходимо учитывать отражение в них художественного дискурса эпохи, демонстрирующего множество индивидуальных вариантов художественного текста и в целом приоритет текстов гибридного типа (Лемке, 2003; Олешков, 2006; Алексеева, 2008; Чернявская, 2008; Петрова, Лашина, 2013; Малышева, 2014 и др.). В этой связи описание

идиостиля Д. Емца представляется целесообразным через определение доминант – значимых языковых элементов, конституирующих признаков, придающих текстам узнаваемое своеобразие.

В Главе 2 «Интертекстуальность как конституирующий признак идиостиля Д. Емца» определяются лингвистические аспекты интертекстуальности в идиостиле Д. Емца, исследуются и классифицируются интертекстони́мы – слова-аллюзии, отсылающие к прецедентным текстам. Так, постоянное соотнесение авторского культурного опыта с внутренним миром читателя, поиск определённой духовной общности на основе интертекстуальных связей мы можем наблюдать в текстах Д. Емца на примере используемых автором номинаций – антропонимов, мифонимов, топонимов, мифотопонимов, идеонимов и др. Кроме того, исследуются такие значимые единицы семантико-композиционной интертекстуальности художественных текстов Д. Емца, как аллюзии и цитаты, выделяются метатекстуальные и паратекстуальные межтекстовые включения.

В параграфе 1 «Лингвистические аспекты интертекстуальности в идиостиле Д. Емца» интертекстуальность рассматривается как один из конституирующих признаков идиостиля автора. Многомерность природы и форм проявления интертекстуальности в качестве важного структурообразующего элемента текста (Лукьянова, 2011; Чернявская, 2014), а также проблема выбора подхода к изучению собственно лингвистической теории интертекстуальности (Аксёнова, 2015) обуславливают сложность разграничения интертекстуальности и прецедентности (Караулов, 1987; Слышкин, 2000), которые во многом взаимосвязаны (Аникина, 2014).

Важной в понимании интертекстуальности является воспроизводимость культурного кода, элементов системы значимых для людей ценностей, что происходит благодаря погружению в общекультурное национальное семиотическое пространство. Прецедентность выступает в роли первичного элемента по отношению к интертекстуальности как интегративной категории. Прецедентность и интертекстуальность в идиостиле Д. Емца неразрывно связаны

друг с другом в силу того, что в настоящее время распространены тексты «гибридного» типа, обусловленные, например, активным пересечением дискурса художественной литературы с дискурсом масс-медиа.

Прототипическая интертекстуальность основывается на повторяемости элементов в структуре соответствующих текстов и нацеленности на типологически мотивированные связи между ними. Это обнаруживается на уровне *гипертекстуальности* (пародирования Д. Емцом текстов преимущественно Дж. Роулинг) и *архитекстуальности* (жанровой связи текстов Д. Емца с другими текстами: романом, мифом, анекдотом и др.). Под актуализированной интертекстуальностью понимается качество текстов, в которых имеются отсылки к претекстам на уровне сюжетов, образов и др.

Приметы идиостиля Д. Емца следует искать в выборе источников прецедентных единиц, в том, как они вводятся в текстовую ткань, в особенностях их комбинирования друг с другом в пределах одного текста, в определении функций прецедентных единиц в соответствии с авторской стратегией.

Интертекстуальность выполняет в гетерогенном тексте Д. Емца следующие функции: 1) *людическую*; 2) *комментирующую*; 3) *референтивную*; 4) *экспрессивную*; 5) *апеллятивную*; 6) *поэтическую*.

В **параграфе 2 «Номинативные интертекстони́мы в художественном тексте Д. Емца»** исследуются основные единицы интертекстуальности – номинативные (антропонимические, топонимические, идеонимические, мифонимические, в том числе мифотопонимические, артефактные, предметные) интертекстони́мы.

Они образуются в процессе активного имятворчества, часто в результате авторской языковой игры, в основе которой лежат явления трансонимизации – межвидовой (тётя *Настурция*) и внутривидовой (*Медузия Зевсовна Горгонова*), онимизации апеллятива (*Тарарах*), заимствования из других языков (*Зигмунд Клопп*), а также различные трансформации (*Спящий Красавец*, *Хадсон*, *Адмирал Жюльсон*) и ономастическая гибридизация (*Пенелопа Дурнева*).

Интертекстуальная сущность подобных онимов чаще очевидна (*Гурий Пуппер*), в других случаях требует от читателя серьёзного знания текста-источника (*Гуня Гломов*).

Среди антропонимических и мифонимических интертекстонимов, соотносимых с действующими лицами в тексте Д. Емца, можно выделить интертекстонимы, отсылающие к текстам Дж. Роулинг (*Герман Дурнев*, *Прун*, *Чума-дель-Торт*), к иным текстам европейской культуры (*Барон Мюнхгаузен*, *Барбаросса*, *Санта-Клаус*), к текстам античной культуры (*Нептун*, *Теокрит*, *Алкид*), к текстам русской (славянской) культуры (*Мамай*, *Сарданал Черноморов*, *Бессмертник Кощеев*).

При этом следует обратить внимание на способы образования таких интертекстонимов. Они возникают в результате онимизации апеллятива (*Барон Мюнхгаузен*); или контаминации двух прецедентных онимов (*Мефодий Буслаев*); или контаминации двух прецедентных онимов с последующей внутривидовой трансонимизацией и с присоединением онимических формантов (*Сарданал Черноморов*); или морфологической трансформации – изменения грамматической категории рода (*Баб-Ягун*); или структурной трансформации, при которой также может наблюдаться присоединение экспрессивно-оценочного разговорного суффикса -он- (*Бедная Лизон*), иностранная огласка суффикса -ов- (*Малюта Скуратофф*), построение имени по иноязычной модели (*Соловей О. Разбойник*); или фонетической и структурной трансформации с омофоническим каламбуром, возникающим за счёт членения прецедентного онима (*О-Фея-Ли-Я*); или фонетической трансформации (*Хадсон*); или межвидовой трансонимизации с фонетической трансформацией (*Зербаган*); или телескопии (*Дурамзес*) и тому подобных процессов.

Обозначая действующих лиц, эти интертекстонимы не теряют связи с прецедентными источниками, а их оригинальные истории часто получают метатекстуальное комментирование (*Медузия Зевсовна Горгонова*). Некоторые интертекстонимы соотносятся сразу с несколькими прецедентными образами

(*Сарданапал Черноморов* – с образами дядьки Черномора, старика Хоттабыча, Альбуса Дамблдора и ассирийского царя Сарданапала).

Такие же идиостилевые особенности преобразования интертекстонимов связаны с обозначением лиц, упоминаемых в тексте Д. Емца. Они вводятся либо с помощью приёма ретроспекции, либо благодаря пересечению с другими прецедентными текстами. Такие интертекстонимы репрезентируются в тексте четырьмя способами: а) без атрибуции, то есть без дополнительных пояснений («...*Древнир* значитя под номером десятым, сразу за *Сервантесом*»); б) с атрибуцией, то есть с подсказками, намёками, словами-маркерами или с метатекстуальным комментированием («...в меня влюбился генерал *Бонапарт*. Я слышала, этот милый юноша потом приходил меня искать в Россию и даже взял с собой солдат, но отморозил нос и вернулся ни с чем»); в) с обозначенными и необозначенными цитатами – дословными или трансформированными выдержками из текста-источника, которые так или иначе связаны с интертекстонимом («... и оборотень, нашаривая подушку, выдал трагическим голосом: – *Молилась ли ты на ночь, Дездемона?*»); г) как интертекстоним-«стереотип», символ, имеющий определённое общекультурное значение, которое лежит в основе метафорического или метонимического переноса или устойчивого выражения, тропа, фигуры речи («Прежде он был известен за человека крайне молчаливого и даже пришибленного. Зато умер он суцим *Демосфеном*»).

Отдельные интертекстонимы вводятся в текст Д. Емца не одним, а несколькими способами («*Поднимите мне веки, как говаривал мой первый муж Вий!*» и «Его уста извергали огонь, уши – дым, а **нехороший** взгляд озадачил бы даже *Вия*»), они могут иметь разную степень эксплицированности, получать «лжеатрибуцию» («у дяди Сэма вороны расклевали антикварную магическую дудку – ту самую, под которую *Нильс* водил крыс топиться в озере»), а также отсылать не к одному, а к нескольким прецедентным феноменам (интертекстоним *Татьяна*, отсылающий к текстам А. С. Пушкина и А. Барто).

Другие интертекстонимы получают атрибуцию, связанную с разными обстоятельствами жизни упоминаемого лица, что позволяет Д. Емцу дать

достаточно полное представление о нём (*Наполеон*). Большинство таких интертекстонимов вводятся в текст в нетрансформированном виде, однако благодаря фонетической, морфологической и/или структурной (преимущественно) трансформации они могут приобретать окказиональный вид (например, *Франкер Штейн*).

В целом интертекстонимы, соотносимые с упоминаемыми лицами в тексте Д. Емца, отсылают читателя к текстам европейской культуры, а также к античной, библейской и русской (славянской) культуре. Среди них оказываются имена писателей, исторических личностей, философов, деятелей культуры и искусства (*Пушкин, маршал Даву*), а также герои художественной литературы (*Свидригайлов, Чичиков*). Среди мифонимических интертекстонимов оказываются получившие широкую известность имена сказочных и мифических героев (*Хозяйка Медной Горы, Гелиос*).

Интертекстонимы волшебных существ помогают Д. Емцу включить собственный текст в общий фэнтезийный контекст современной культуры. В трансформированной или нетрансформированной форме они отсылают как к текстам Дж. Роулинг (*де Мент, вурдалак Адавра кедавра*), так и к другим феноменам западной (*валькирии, Кот-в-сапогах*), русской (*Серебряное копытце, Золотая Рыбка*), восточной (*гандхарвы, джинны*) или античной культуры (*дриады, нимфы*).

В такой же мере созданию единого концептуального фэнтезийно-сказочного пространства текста способствуют артефактные и предметные интертекстонимы волшебного мира. Одни отсылают к конкретным прецедентным феноменам – к текстам западной культуры, в том числе к текстам Дж. Роулинг, а также русской, славянской, античной культур (*волшебные конфеты, сапоги-скороходы, крылатые сандалии*), другие обладают большей художественной самостоятельностью, но при этом соотносятся с универсальными прецедентными феноменами, характерными для фэнтезийного (сказочного) дискурса (*летающая лошадка-качалка, чаша Стихиария*).

Заимствование Д. Емцом прецедентных мифотопонимов из других текстов связано с авторской задачей включить собственное повествование в общий фэнтезийный (сказочный) дискурс («По слухам, на Лысой Горе раскинулся целый город, населённый магами и нежитью»). Топонимические интертекстони́мы помещают текст Д. Емца в более широкий культурный контекст, так как они часто сопряжены с теми или иными историческими и другими значимыми событиями («Встреча на Эльбе! Два Бульона, два уникама!»). В тексте Д. Емца при этом часто совмещаются вымышленный и реальный хронотопы (так, *остров Буян* соседствует с *Рублёвским шоссе*).

Важную роль в идиостиле писателя играют идеонимические интертекстони́мы. Они не только помогают созданию образов персонажей или более тонкому описанию какой-либо ситуации, но и часто приносят в текст определённый иронический или юмористический эффект, включаются в авторский метатекстуальный комментарий претекста («Вообрази, Герман, в школе им задали читать кошмарный роман. **“Мёртвые уши”**, что ли. Ты когда-нибудь слышал о таком?»). Оказиональные идеонимы («Сплетни и бредни», «Маг-ТВ») часто соотносимы с контекстом современной эпохи.

В **параграфе 3** «Семантико-композиционная интертекстуальность в художественном тексте Д. Емца» рассматриваются такие единицы интертекстуальности, как цитаты и аллюзии.

Их отличие от интертекстони́мов состоит в сложности выделения одного слова, отсылающего к претексту, то есть речь идёт об узнавании части претекста или отсылке к нему благодаря ассоциации. Как правило, подобные включения в текст Д. Емца выступают не изолированно, а с авторским метатекстуальным комментарием. Д. Емец делает аллюзийные и цитатные отсылки к претекстам античной, западной (особенно часто к произведениям Дж. Роулинг), восточной, христианской культур, однако наибольшее количество отсылок обнаруживается применительно к русской (славянской) культуре, что соответствует общей авторской интенции. Цитаты из претекстов вводятся в текст Д. Емца в трансформированном и нетрансформированном, маркированном и

немаркированном виде. Некоторые из них объединяются и/или накладываются друг на друга («*Утихни, дуся! Не искушай меня без нужды возвратом нежности твоей! Проще говоря, заткни фонтан!*»). Аллюзии могут быть как легко узнаваемыми, так и многослойными, отсылающими сразу к нескольким претекстам («*Я разочарована, господа мои хорошие! Никакого тебе внимания!*»).

В параграфе 4 «*Метатекстуальные включения в тексте Д. Емца*» исследуются случаи авторской интерпретации прецедентного текста. Метатекстуальное комментирование носит ироничный характер или настраивает читателя на долгие серьёзные размышления о том или ином прецедентном феномене. Без внимания Д. Емца не остаются события, связанные с творчеством Дж. Роулинг, вопросы, возникающие при чтении русской классической литературы, обстоятельства биографии известных личностей, факты мировой истории. К метатекстуальным включениям также относятся примечания к тексту Д. Емца, в которых содержится указание на автора используемого претекста или пояснение, кем является действующее лицо.

В параграфе 5 «*Паратекстуальные включения в тексте Д. Емца*» исследуется ещё одна разновидность межтекстового взаимодействия, находящая своё выражение в надтекстовых элементах – предисловиях, названиях глав, эпиграфах.

Так, предисловие выступает как «фрактальная модель» (Олизько, 2010) организации целого текста и формирует в сознании читателя ориентиры для восприятия информации (укажем на «Краткий справочник магических заклинаний» из серии о Тане Гроттер или на отдельную главу, связывающую серию о Мефодии Буслаеве с серией о Тане Гроттер).

Оглавление в текстах Д. Емца ретроспективно напоминает читателям содержание произведения и часто содержит отсылку к тому или иному прецедентному тексту («*ИТАК, ONA ZVALAS TATIANA*», «*Али-Петрус и сорок монстров*», «*Omnia vincit amor*»).

Использование эпиграфов мало распространено в фэнтезийной литературе, что позволяет говорить о включении в текст Д. Емца элемента чужой системы

(например, реалистической или романтической). Чрезвычайно разнообразные эпиграфы к текстам Д. Емца являются ещё одной особенностью его идиостиля, а их количественное увеличение по мере работы над сериями о Тане Гроттер и Мефодии Буслаеве показывает творческое развитие автора. Среди эпиграфов обнаруживаются как цитаты из сочинений реально живших людей (например, Марка Аврелия, св. Иоанна Дамаскина, А. П. Чехова), так и «квазиэпиграфы», подаваемые от имени «венгерского философа Йозефа Эметса», или «акад. С. Черноморова», или «Персидской Кеям», или как отрывок «из несуществующего философского трактата».

В **Главе 3 «Афористичность как конституирующий признак идиостиля Д. Емца»** исследуется словотворчество и фразеотворчество писателя, связанное с особой формой авторского мышления, со стремлением сделать фразу яркой и запоминающейся. Афористическая манера идиостиля Д. Емца во многом соотносима с современной языковой картиной мира.

В **параграфе 1 «Словотворчество Д. Емца и лексические особенности его идиостиля»** исследуются особенности образования имён собственных (антропонимов, мифонимов, зоонимов) и других окказионализмов, а также стилистическая синтагматика.

Большинство антропонимов, зоонимов и мифонимов являются ономастическими играми и образуются по различным ономастическим моделям. В одном случае в их состав может включаться как интертекстоним, так и типичный оним-имя (чаще – отчество) и/или апеллятивная лексика (*Тиберий Цезаревич Самцов, Далила Петровна*). В другом случае подобные онимы образуются вследствие онимизации апеллятива, семантика которого сопряжена с оценкой имени собственного благодаря рождающимся ассоциациям (*Тухломон, Олиго де Френ*); трансонимизации (*Фудзий*) или гибридизации онимов (*Маланья Нефертити, Эдуард Хаврон*). Кроме того, в тексте Д. Емца отмечается частое использование имён, относящихся к древнерусской и древнегреческой культуре (*Феофил, Прасковья*), ярких прозвищ (*Зозо*), а также имён, семантически связанных с той или иной группой действующих лиц (*Руфин, Каин, Гартий*).

Ещё одной важной особенностью текстов Д. Емца является стилистическая контаминация – абсорбция, когда сниженная лексика часто соединяется с высокой в соответствии с авторской задумкой («*Слова мои отлетают от ушей этого амбала, яко сухой горох от каменного строения. Прими **сии** побои во вразумление...»*).

Художественное своеобразие текстов Д. Емца проявляет себя и в создании автором многочисленных окказионализмов. Они образуются по известным словообразовательным моделям (*оживленец*), в результате актуализации вторичного или переносного значения того или иного слова (*эйдос*) или заимствования из другого языка (*фулишь*). Окказионализмы Д. Емца широко представлены в названиях книг и их разделов (*улитизмы, огробыниться, горлодраница*), а также в заклинаниях, используемых персонажами. Стоит отметить, что эффект «необычной», «тайной» речи достигается автором за счёт присоединения латинских суффиксов к мотивирующей, преимущественно русской основе («*идиос нафигус*»).

В параграфе 2 «Фразеотворчество в идиостиля Д. Емца» исследуется представленность различных фразеологических единиц в текстах Д. Емца в соответствии с широким подходом к объёму фразеологии (Н. М. Шанский, О. С. Ахманова, А. А. Реформатский, В. Н. Телия).

Среди непреобразованных фразеологических единиц в текстах Д. Емца часто встречаются латинские изречения, выполняющие сразу две функции – художественную и образовательную («*Noli me tangere!* – проворчал перстень Феофила Гроттера»).

Важной особенностью идиостиля Д. Емца является обращение автора к пословичным преобразованиям. Среди различных видов преобразования исходных фразеологических единиц наиболее часто встречается замена их компонентов, при которой происходит поддержание семантики узуальной фразеологической единицы, основанное на системных связях коррелятов – синонимических, паронимических, тематических («*Тогда не будем тянуть kota за аппендицит*»). Отмечается фонетическая мимикрия («*Прошу любить и не*

жаловаться!»); замена исходного компонента, относящегося к «нейтральному» стилю речи, на компонент, принадлежащий разговорному или просторечному стилю («*Сделал дело – отвали смело!*»); использование лексем, обозначающих предметы и реалии нашего времени («*Верчусь, как белка в кофемолке*»). При этом окказиональный компонент фразеологических единиц тесно связан с контекстом. Семантическая многослойность получившегося высказывания, состоящая из значения исходной фразеологической единицы, окказионального компонента и контекста, создаёт иронический (юмористический) эффект и способствует переосмыслению исходного фразеологизма, делая его современным.

Источники исходных фразеологических единиц, подвергающихся дальнейшей авторской трансформации, достаточно разнообразны: пословицы и поговорки, классическая литература, Библия, реалии XX и XXI веков. Чаще всего Д. Емец обращается к русскому фольклору. Кроме того, существуют сложные случаи, в которых обнаруживается одновременная отсылка сразу к нескольким источникам («*Все готовы? Тогда я говорю: Поехали!*» – *и машу ручкой. Далее как карта ляжет и плечико размахнётся!*»). Такое разнообразие показывает достаточно высокий уровень авторской образованности, позволяющий охватить широкую читательскую аудиторию.

При переосмыслении узуальной фразеологической единицы узуальные и производные окказиональные выражения оказываются в антонимических отношениях, что происходит за счёт использования автором антонимов, в том числе и контекстуальных («*Одна капля никотина оживляет лошадь*»; «*Дети – это мухоморы жизни*»). Сталкивая контрастные семы в пределах одного словосочетания, автор создаёт оксюморон («*Души прекрасные нарывы*»). При этом преобразованные фразеологические единицы отсылают нас к различным прецедентным источникам: к фольклору, классической литературе, общественным реалиям, историческим фактам.

Такая авторская логика типична для современной культуры в целом: фразеологические единицы с различными семантическими и структурными преобразованиями, в том числе с заменой компонентов, подобные тем, что

обнаруживаются в текстах Д. Емца, можно встретить в прессе, художественной литературе, на Интернет-форумах и др.

В случае сужения компонентного состава фразеологической единицы наблюдается несочетаемость узуальной фразеологической единицы с фразовым контекстом («*Снова бедняжке не дали никого убить, а счастье было так возможно!*»), тогда как расширение компонентного состава интенсифицирует имеющийся смысл фразеологической единицы, добавляя новые семантические оттенки («*Одна больная голова хорошо, а две больные головы лучше!*»).

Авторские окказиональные высказывания образуются и в результате контаминации фразеологических единиц, имеющих общий опорный компонент, когда сохраняется семантика одной части, а вторая часть, десемантизируясь, способствует рождению каламбурного эффекта («*Одна голова лучше, а два сапога пара!*»). В другом случае контаминация фразеологических единиц представляет собой простое объединение двух фразеологических единиц, имеющих семантическую общность («*Ваше здоровье! Кушайте кашку-с и не обляпайтесь!*»). В тексте Д. Емца встречаются и сложные случаи контаминации фразеологических единиц, сопровождающейся другими преобразованиями («*Кому суждено быть повешенным, тот в пучине не сгинет и в огне не сгорит*»).

Отдельный интерес представляют авторские высказывания, образованные на основе узуальных фразеологических единиц, в которых может наблюдаться как продолжение мысли исходной фразеологической единицы («*Ломать не строить, пинать не целовать!*»), так и её антитетическое переосмысление («*Деньги не пахнут, они воняют*»). При этом Д. Емец может строить окказиональное продолжение фразеологической единицы на основе её синтаксической структуры («*Вижу, вы не разлей вода, не разнеси динамит?*»; «*Любопытство не порок. Любопытство – болезнь...*») или только семантики, развивая смысл исходной узуальной фразеологической единицы («*Все врут. Просто некоторые врут сами себе*») или, наоборот, полемизируя с ней («*Конечно, человек – это звучит гордо, но так считают лишь сами люди*»). Среди источников исходных фразеологических единиц, к которым обращается автор, – русское народное

творчество, западный фольклор, античные тексты, современные афоризмы, библейские фразы, классическая и современная литература, явления современной культуры.

Афористика Д. Емца, представленная окказиональными авторскими высказываниями, получившими выход за рамки художественного текста, что подтверждает их активное использование и обсуждение в читательской среде, является отражением его жизненной позиции и духовных исканий. Его произведения популярны в христианской среде, так как содержат религиозно-философские идеи, воспитывающие читателя в моральном плане, но не давящие на него. Окказиональные высказывания Д. Емца отличаются композиционной чёткостью и посвящены разным темам, имеют все характерные признаки афоризмов и обнаруживают авторское своеобразие в выборе средств речевой выразительности («*За яркие дни мрак берет плату скверными ночами*»; «*Преувеличение своих заслуг – основа всякой интеллектуальной деятельности*»).

Таким образом, словотворчество и фразеотворчество Д. Емца оказывается интересным разнообразной читательской публике, а его идиостиль соответствует социокультурному феномену young-adult. Д. Емец ориентируется преимущественно на известные современному человеку универсально-прецедентные феномены, входящие в «универсальное» когнитивное пространство. Текст Д. Емца строится как «мозаика цитаций», аллюзий, интертекстонимов, многочисленных афоризмов и прочих прецедентных включений, которые создают своеобразную диалогичность между собой, собственно авторским текстом и читателем, выполняя дейктическую функцию. Афористичность и интертекстуальность как идиостилевые доминанты делают текст более сложным в семантическом плане, обеспечивая несколько вариантов прочтения и, следовательно, интерпретации, что во многом зависит от национально-культурных стереотипов. Культурный контекст произведений Д. Емца весьма важен. Фиксирование отражённых в тексте авторских взглядов, социальных ценностей определённого периода времени, религиозных представлений, общественных убеждений позволяет выявить не замеченные

ранее особенности языка писателя, по-новому взглянуть на конституирующие элементы многослойного текста, в котором отразились процессы, происходящие в современном русском языке.

В **Заключении** обобщаются результаты исследования, намечаются его дальнейшие перспективы.

Основное содержание диссертационного исследования отражено в следующих публикациях:

Статьи в научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Чугунова, К. С. Аксиологический подход к лингвистическому анализу фантастического рассказа Д. Емца «Конец света» / К. С. Чугунова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 4 (045). – С. 147–151.

2. Чугунова, К. С. Замена компонентов крылатого выражения как один из способов создания «универсального» текста Д. Емца / К. С. Чугунова // Успехи современной науки и образования. – 2016. – № 4. – Т. 3. – С. 98–104.

3. Кольцова, Л. М., Чугунова, К. С. Преобразования фразеологических единиц в художественных текстах Д. Емца / Л. М. Кольцова, К. С. Чугунова // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Филология. Журналистика. – 2016. – № 3. – С. 49–51.

4. Чугунова, К. С. Трансформация крылатого выражения в текстах Д. Емца как приём создания «универсального» текста / К. С. Чугунова // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. – 2016. – № 3. – С. 26–230.

5. Чугунова, К. С. Замена компонентов крылатого выражения с трансформацией семантического ядра как один из способов создания «универсального» текста Д. Емца / К. С. Чугунова // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. – 2016. – № 4. – С. 127–138.

6. Чугунова, К. С. Замена компонентов крылатого выражения с изменение семантики исходных фразеологических единиц в прозе Д. Емца / К. С. Чугунова //

Вестник Оренбургского государственного университета. – 2016. – № 6 (194). – С. 40–44.

Статьи в научных журналах и сборниках:

7. Чугунова, К. С. Введение в интертекстуальный анализ произведений Д. Емца о Тане Гроттер / К.С. Чугунова // Славянский мир: духовные традиции и словесность: сборник материалов Международной научной конференции. Вып. 6. Науч. ред. Н. Л. Потанина / Тамбов : Издательский дом ТГУ имени Г. Р. Державина, 2015. – С. 157–160.

8. Чугунова, К. С. Многослойный текст Д. Емца: произведение и культурный контекст / К. С. Чугунова // Слово – образ – текст – контекст : Материалы IV Всероссийской научно-методической конференции с международным участием «Слово – образ – текст – контекст» (г. Одинцово, Московская обл., 24-25 мая 2015 г.) / ред.-сост. Н. В. Летаева. – Одинцово : АНОО ВО «Одинцовский гуманитарный университет», 2015. – С. 110–114.

9. Чугунова, К. С. Прагматический аспект изучения «универсального текста» Д. Емца / К. С. Чугунова // Проблемы лингвистики, методики обучения иностранным языкам и литературоведения в свете межкультурной коммуникации : Материалы V Международной научно-практической конференции (26–27 марта 2015 г.). – Уфа : Изд-во БГПУ, 2015. – С. 170–173.

10. Чугунова, К. С. Языковые особенности межкультурной коммуникации (на примере русского фэнтези) / К. С. Чугунова // Человек в глобальном мире : материалы Межд. науч. конф. (Воронеж, 18–20 мая 2015 г.) / под ред. Н. В. Бутусовой, Й. Ананиева. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2015. – С. 524–527.

11. Чугунова, К. С. «Универсальный» текст Д. Емца как особый текст «гибридного» типа / К. С. Чугунова // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. – Киров, 2017. – № 1 (9). – С. 134–135.